

Свет и тъма

Илья Наумов

Свет и тьма

«Автор»

2026

Наумов И.

Свет и тьма / И. Наумов — «Автор», 2026

Я проиграл бой в Виртуальной вселенной и встретил там падшую, что оставила на мне метку в реальном мире. После этого со мной стали происходить странности. и только об одном она меня просила, что бы я спас её из заточения и подарил свободу, коей её лишили. но для этого надо было попасть на остров, где я должен найти какой-то ключ, что мне поможет в её освобождении, иным исходом будет моя смерть. Ведь ценой заключённой сделки была моя душа.

© Наумов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Илья Наумов

Свет и тьма

Пролог

Лишь непроглядная мгла была её спутником все эти годы. Она была ей другом и соперником, составляла компанию и утешала в тяжёлые моменты. Она уже и забыла сколь долго находилась в заточении, как не помнила и причины, почему она была тут. Ей твердили что она сделала что-то ужасное, вопиющее. Что не укладывалось в рамки норм и моралей общества, в котором она жила, и, которое видимо её и сослало в это тёмное и сырое подземелье, куда не проникал ни луч света, ни какой бы то ни было звук. Только тишина, тьма и сырость.

Но, два раза в день, свет рассеивал мрак лишь на миг, когда в двери ее пристанища открывался маленький лючок, и через него ей оставляли поднос со скудной едой. Изюм, день, это был кусок хлеба и немного воды. Этого хватало лишь для того, чтобы она не умерла от голода, но было слишком мало, что бы насытить ее голод. Поэтому она всегда ложилась спать голодная, растягивая скудный паек на подольше, деля его на части, что бы голод не мучал ее так сильно, и она могла спать подольше, не думая о том, как она несчастна и когда все это закончится...

Не единожды она пыталась свести счеты с жизнью, но всегда ее останавливали. После чего были угрозы и избиение, что бы она больше не смела это повторять. Так было всегда, из раза в раз. И каждый раз она впадала в беспамятство и проваливалась в забытие. Когда же приходила в себя, уже никого рядом не было, и только чувство боли напоминало о случившемся. Со временем, от одной лишь мысли о смерти, у нее начиналась истерика и ее била дрожь. Она боялась новых побоев.

В один из дней, когда её принесли очередной ужин, или завтрак, тишину нарушил шорох, за которым последовал мышинный писк. Эта небольшая мышь, влекомая чувством голода, прорыла нору к её жилище. Она тихо пищала и перебирала своими ножками, идя на запах зачерствевшего куска хлеба, что был у узницы в руках. Она не замечала то, что к её трапезе решила присоединиться непрощенная гостья, на чей рот она совершенно не рассчитывала.

Мышь аккуратно поползла по лохмотьям узницы, забираясь на её колени, что не чувствовали столь невесомое существо от недостатка сил и безразличия ума. Лишь пустота была в глазах узницы, в тот момент как глаза-бусинки мыша горели голодом и отчаянием. Оставшаяся корочка мирно лежала в руке, когда гостья подошла слишком близко. Её тело обвила мертвенно хладная рука, что могла принадлежать лишь мертвецу, потому как это были кости, обтянутые кожей, холодные и безжизненные. Но как бы не старался, мышь не мог вырваться из этой мертвой хватки оголодавшей хозяйки этой обители, что так давно желала вспомнить вкус плоти и ощутить сладкий вкус чужой крови на своих губах. Желала забрать жизнь в обмен на силу, что в неё была заключена. Хоть это и была жизнь никчёмного и слабого мыша-воришки, что искал пищи, но никак не думала, что сам может стать ужином. Он пищал и извивался, пытался вырваться, но всё было тщетно. Его глазам уже предстали два горящих желанием глаза и рот, полный острых, словно лезвия зубов. Это был его последний миг, что он запомнил...

В тот момент, когда мышь уже распрощался с жизнью, а госпожа смерть была готова прибрать его душу, дверь темницы отворилась...

В двери стоял силуэт.

Его тень, отбрасываемая светом факелов за спиной, оканчивалась у ног узницы. Он казался огромным и устрашающим. Она испугалась. Ведь если дверь была открыта, это означало лишь одно, ей грозили неприятности. Но она не понимала, что сделала, из-за чего к ней пришёл страж.

Она вила себя примерно, тихо и ни разу с последнего раза не думала о суициде. Она осмотрелась вокруг, чтобы понять причину, и только тогда заметила мыша в своих когтистых лапах. Не уж-то это из-за него? Но почему? Почему это произошло тогда, когда она хотела утолить свой голод, толку по вкусу плоти. Чем таким особенным был факт того, что она изловила этого мыша и желала его пожрать. Не уж то этот мыш не так прост? Или тут скрыто что-то ещё...

Все мысли пролетели в её оголодавшем ему за доли секунды. И в тот момент в её глазах отразилось недоумение и желание. Она сжала мыша сильнее отчего то жалобно запищал. Но ничего сделать с ним она не успела, потому как страж схватил её за тощую шей и посмотрел на руку, в которой была её добыча. Его глаза ничего не выражали, только пустота была в них. Ни сострадания, ни жалости, ничего. Это была его работа. Долг. Он отвечал за этот этаж и тех редких заключённых, что томились тут столько, сколько он себя помнил. И, по рассказам, услышанным им от отца, а тем от его отца, на этом этаже тюрьмы никогда не было новых заключённых. Но и старые никуда не девались. Ему всегда было интересно, сколько же лет, или веков, они тут уже находятся, и, кто они такие, эти создания, что были тут заперты навечно.

Его рука, которая сжимала её шею, ощущала холод, исходящий от неё. В этой камере всегда царила жуткая атмосфера, которую было сложно описать. Но ему всегда говорили, что входя сюда, не испытывай никаких чувств, только передавай еду, или же наказывай. Но сегодня, делая обход, он услышал писк, исходящий из этой темницы. И ему стало интересно, что там происходит, неужто узница опять решила умереть. Как было ранее. Но распахнув дверь темницы ему предстала иная картина. Она кого-то схватила, и этот кто-то жалобно пищал в её руках, перед разинутой пастью. Её глаза выражали нескончаемый голод и жажду. С виду ничего особенного в этом не было, но что-то его смущало, он не мог понять, что это было. Но когда в её глазах сверкнула жадность, он понял, что тут было неправильно. Это была мыш. Она была необычной, из нее так и сочилась жизнь и силы, и, сейчас узница это тоже понимала и решала поглотить её и ее жизненные силы. Это могло грозить невыразимыми проблемами для всех, как стражи, так и узников, что были в других камерах. Ведь это была не обычная тюрьма. Здесь содержались самые опасные чудовища и прочие угрозы, что когда-то случались с миром. И, раз она была тут, значит она была опасна.

Он в один большой скачок оказался рядом с ней и схватил за шею, приподняв над землёй. Её кожа была холодная как у трупа, а глаза горели ненавистью. Он мог лишить её жизни одним движением, ведь её шея была так хрупка, нужно было лишь немного приложить силы, чтобы прекратить её страдания. И она это видела, она желала этого, и в её глазах ненависть сменилась мольбой о смерти. Их глаза встретились, и некоторое время он не мог отвести взгляда, но и выполнить её желание он не мог. Он отвел взгляд туда, где была мыш. На её руку.

С виду мыш была самой обычной. Но та энергия что от неё исходила, была слишком необычна, для столь маленького создания, как он. Страж не понимал, откуда тут эта мыш. Он стал осматривать темницу, искать глазами необычное, то, что не вписывалось в общую картину убранства комнаты. А из обстановки были лишь голые стены и цепь, которой была прикована узница. После недолгих поисков он увидел небольшое отверстие в углу, видимо оттуда и пришел этот мышенок. Так вот как он сюда попал...

Тем временем узница всё так же трепыхалась и пробовала вырваться из железной хватки стража, но ничего не выходило, что нельзя сказать о мышонке. Когда узница отвлеклась, он прокусил до крови ей руку, отчего она разжала хватку, и он кулем упал на пол, где, не теряя времени шмыгнул обратно туда, откуда и пришел. Это не осталось без внимания стража, что

заставило проявиться на его лице ухмылку, которую не могла видеть узница, из-за того, что его лицо было скрыто надетым шлемом.

Она была в ярости. Столь долгожданная пища, свежайшая плоть, сбежала. И всё из-за этого никчёмного стража, что помешал ей. Не дал насладиться вкусом мяса, почувствовать вновь это пьянящее чувство власти над чужой жизнью и смертью. Вновь ощутить власть в своих руках.

В глазах узницы сверкнула ярость, и они вспыхнули леденящим, белым светом. Страж сильнее сдавил её шею, но уже было поздно, он не чувствовал руку, только смертельный холод, что тек по его жилам и расстился по темнице незримым туманом. Его сердце сковал страх и ужас, он хотел уйти, сбежать как можно дальше, но не мог. Не мог выпустить это существо, что смотрела в его глаза, не мог оторвать взгляда от нее, от этих огней в её глазах.

Узница не трепыхалась больше, она висела безвольной куклой на руке стража и смотрела в его глаза, в его душу, наполняя её ужасом и страхом. Это было давно забытое чувство контроля над другими людьми, частица её былой силы, что проснулась из-за потери мыша, и, на что тратилась её остатки жизни. Она шла ва-банк, всё или ничего, так она решила. И сейчас, когда жизнь стража медленно утекала из него, и наполняла каждую её клетку силой и энергией, она не могла остановиться и ей надо было больше, много больше, чем один никчёмный страж, что пал от рук собственной самоуверенности, но она была и на том благодарна ему. Теперь она могла обрести свободу, ту, что потеряла века назад, когда её пленили и закончили её правление. Теперь она сможет отомстить всем, кто нанес ей раны, кто заточил её сюда, всем кто повинен в её злоключениях. И начнет она со стражей её узилища. Её глаза сверкнули в предвкушении пира и из глотки вырвался ужасный, словно скрежет колес, смех, что с каждым мигом становился все громче и громче, разносясь эхом по тоннелям и коридорам, вселяя ужас в обитателей этого места...

Глава первая

Узилище

Вереница узких тоннелей, просторных коридоров, малых и больших камер, просторных залов и сырых ям. Всё это была самая охраняемая и страшная тюрьма. Сюда попадали самые опасные существа и создания, что несли угрозу миру.

Она располагалась в сердце горы на безлюдном острове по среди бушующего моря, окружённого рифами, что были скрыты под волнами.

По собственной воли в это место попадали лишь стражи, простому же люду дорога была сюда заказана, узникам же всегда были рады, хоть это и случалось довольно редко.

В сторону острова, мерно качаясь на волнах, шло небольшое парусное судно. Ветер дул в нужную им сторону и в гребле не было нужды, поэтому большинство экипажа было занято личными делами. Кто-то штопал форму, потертую от времени, кто-то перекусывал не хитрой пищей, состоящей из ломтя хлеба, куска вяленого мяса и кружки с пивом либо ягодным напитком, тут все зависело от вкусов каждого и гастрономических предпочтений. Но были и такие что занимались делом, потому как работу никто не отменял, ведь когда ты в плавании, ты должен трудиться на равне со всеми, иначе все могут погибнуть, тем более там, где они сейчас находились. Все знали куда они идут, как знали о то, насколько опасен данным маршрут от материка до Узилища. Но в этом была их работа, ходить по данному маршруту и снабжать остров провизией, новобранцами и, иногда, узниками.

На этот раз они везли провизию, в виде нескольких бочек пива и вина, тюков с вяленным мясом, мешков с мукой и прочими необходимыми продуктами. Это была их ежемесячная поставка, что всегда совершалась строго по расписанию и по заранее согласованному перечню необходимого провианта. Но в этот раз к ним в компанию набились молодые стражи, что только

пару месяцев как закончили курсы и инструктажи, получили форму и необходимое снаряжение. И сейчас они стояли на палубе и смотрели туда, где виднелась макушка острова - сигнальная башня, что располагалась на вершине узилища и на которой всегда должны были гореть огни, чтобы суда не заплутали и не ушли с нужного им фарватера, напоровшись на рифы, что были тут кругом и которые скрывала непроглядная гладь воды. Сигнальный огонь мерцал с равными промежутками, предупреждая путников о том, что на суше не всё ладно...

Несмотря на предостережения с башни и предостережения стражей, что пытались убедить капитана судна развернуть судно и двигаться на материк за помощью, он не сделала этого, ведь наступала ночь и она несла с собой бурю, а из-за того, что скоро стемнеет, судно не могло безопасно пройти недавно пройденные рифы и у них всех, всех кто был на борту, был только один выход – идти к суше, не этот остров, там, где видимо сейчас, как впрочем и всегда было не особо безопасно, но альтернативой этому была неминуемая гибель в морской пучине. Капитан отдал приказ сесте экипажу за весла, лишь опередить непогоду. Стражи же, поняв, что их увещевания бесполезны и они не сменят курс, решили надеть снаряжение и готовить к сходу на сушу.

Спустя пару часов, когда уже солнце скрылось за горизонтом, а звезды ещё не появились на небосводе, судно пристало к пирсу. Лишь тусклый свет от факелов освещал их путь. Остров погрузился во мрак ночи, молчаливый и пугающий. И только свет на башне так и продолжал мерцать.

- Почему нас никто не встретил? – прозвучал вопрос от одного из членов команды.

- Ты думаешь тебе это одну интересно? – ответил капитан судна. – и, раз у тебя есть время думать, то может лучше пойдешь разгружать груз? «Как это делают все...» — сказал капитан и посмотрел на своего подчинённого, от чего тот развернулся и ушел за грузом, пока не наварлся на неприятности.

Капитану не нравилась эта тишина, не нравилось, что их не встретили. Их всегда встречал адъютант этого мрачного места, что было тюрьмой многим тварям, что были врагами этому миру. Поговаривали что где-то в глубине есть настоящий дракон, вокруг которого и построили это узилище.

Стражи же, не обратили никакого внимания на капитана, и двинулись вперед, по тропе, что вела к воротам небольшого прибрежного поселения, в котором и проживали все жители этого острова, как стражи, что были на отдыхе, так и те, кому не нашлось места на материке и кто пожелал жить здесь, в этом страшном месте.

Воздух был тяжел и неподвижен, в нем явно чувствовался привкус моря и чего-то еще, чего-то опасного. От чего по коже бежали мурашки и в голове возникала лишь одна мысль – бежать.

Ворота были прикрыты, когда пятёрка стражей подошла к ним и остановилась. Они прислушивались. Не было ни звука, что по обыкновению присутствовали в поселениях. Ни разговоров, ни лая собак, ни бытового шума... была полнейшая тишина. Это не могла не насторожить их.

- Потушить огонь. – кинул старший в их отряде, и сам сунул факел в песок, что был под ногами. – мы не знаем, что тут произошло и почему такая тишина вокруг, так что будьте начеку.

Все сделали как он и сказал и достали оружие на изготовку. У старшего был большой щит и массивная булава, у двух других по паре легких щитов и мечей, и у последних были небольшие арбалеты. Они построились клином и понемногу двинулись вперед, открывая ворота.

Окружающую тишину разорвал стон одной створки ворот что она издала при открытии, видимо их давно никто не смазывал. Стражи остановились и стали вслушиваться, не привлек ли кого этот звук, но вокруг была все та же тишина. Ни души. Они медленно втекли за ворота и стали осматривать всё кругом.

Их глазам предстал пустой поселок, в котором ничего не говорило о том, что его кто-то населял. Всё было заброшено и пустынно, казалось, даже что его покидали в спешке. Но, если его покинули, то когда? И главное почему? Ведь как им было известно, этому поселению столько же лет, столько было и Узилищу, и тут всегда царила жизнь. Сейчас же тут было столь же пустынно и холодно, как на кладбище...

Они двинулись вперед, не нарушая строй, в сторону ближайшего здания, чей силуэт чернел на фоне прочего окружения. Они шли неспеша, стараясь не издавать ни звука, но тем не менее кожаная подкладка доспеха все одно скрипела, нарушая тишину. Когда они уже подошли к зданию, чья-то тень стремительно вырвалась из черноты сооружения и кинулась прочь от них. Они не могла увидеть, что это было, но их поразило то, что это нечто не издало ни звука. Ни звука шагов, ни шелеста ткани от одежды, ни дыхания. Ничего. Будто это был дух. Но, духов нельзя увидеть, они бестелесны...

Не было видно ничего. Только тьма. И, хоть их глаза и привыкли, это никак не облегчало ситуацию. Как не было среди них и охотников, что могли видеть в ночи ни хуже, чем днем.

- Всем внимание, я зажгу огонь, будьте готовы. – сказал как можно тише старший, снимая с пояса факел и поджигая его.

Они встали в круг, спина к спине, чтобы контролировать округу и не пропустить возможную опасность. Пук иск, выбитый из кресала, упал на пропитанную маслом ткань факела, пламя которого быстро занялось и осветило округу из поднятой вверх руки старшего Стража.

В свете факела было видно лишь пустынную округу, обветшалые дома, и сооружения. Они стояли неподвижно, но ничего не происходило вокруг. Только их тени, отбрасываемые светом факела, плясали вокруг них.

Старший страж неспеша двинулся в дом, подав знак остальным следовать за ним. Ему не нравилось происходящее вокруг. Где все? Что тут произошло? Вопросы возникали в его голове и ему не нравился возможный ответ на них.

Подойдя туда, где должна была быть дверь, и, не обнаружив таковую на своём месте, он шагнул во мрак комнаты, освещая его светом факела. Дверь покоилась у противоположной стены, сорванная с петель и переломанная пополам. Он осмотрел комнату, ему на глаза попала куски бруса, что видимо запирали дверь изнутри. Какой же силы был удар, что сотворил такое?

Помимо обломков двери в комнате был лишь перевернутый стол и пара стульев, раскиданных по углам. Их небольшая группа вошла в дом и заняла позиции по углам, Старший же направился в небольшой дверце, что была приоткрыта. Он подошел к ней и оттолкнул ногой. Дверь скрипнула и пламя осветило небольшую комнатку, видимо чулан, на полу которого помимо раскиданных метелок и чашек, были три тела, что сидели прижавшись друг к другу. Их кожа была бледная с оттенком синевы, рту были открыта в беззвучном крике, а в остеклевенных глазах отражался ужас. Они нашли жителей этого поселения...

На улице раздался противный, клокочущий визг, переходящий в свист. От чего у всех пробежал холодок по спине и встали волосы дыбом. Этот крик был наполнен злобой и предвкушением добычи, он вселял ужас в сердце живых и обращал их в бегство.

Из окон и дверей, на площадку перед домом, туда, где не было видно ни зги, туда, где был предполагаемый противник полетели несколько факелов, что зажгли все живые, что там были. Они хотели увидеть то, что ожидало их. Они были готовы к чему угодно. Их щиты и мечи были в готовности, а на тетивах уже покоились стрелы, ожидая своей цели. В дверях же встал старший страж, перекрыв её своим тяжелым щитом, не желая пропустить чужаков внутрь, кем бы, или чем, те не оказались.

Факелы упали на песчаный грунт, рассыпав снопы искр и осветив площадь вокруг. Свет был тусклый, но его хватило, чтобы различить силуэт девушки, окружённый тенями, что были будто живыми и плясали вокруг нее. Она была молода, не старше двадцати лет, с длинными,

тёмными волосами и глазами, похожими на две бездны, все что успел выхватить пролетевший мимо неё факел, свет которого затем пропал в тенях, что клубились вокруг.

Она шла медленно, направляясь к дому, её руки были пусты и повернуты ладонями в их сторону. Её образ был обманчив и притягателен. Стражи начали опускать оружие, теряя бдительность и не замечая того, что факелы гаснут один за другим, и только окрик старшего их вернул в себя и напомнил о том, что перед ними враг.

Низкий визг, разбивший остатки окон, был ему ответом. Ей не понравилось, что он не поддавался на её давление и вывел остальных из забытия. Ещё совсем недавно, когда тут царила жизнь, она пришла сюда и никто не смог противостоять её чарам, все пали и стали её слугами, тенью что кружили за её спиной, ни простолюдины ни хваленые стражи, что потеряли бдительность за века спокойной, мирной жизни на этом богами забытом острове, что был ей тюрьмой и домом. И сейчас, какой-то мелкий страж противостоит её, повелительнице усопших, чью силу она поглощала и использовала по своему желанию. Он был не достоин жизни и её внимания. Она вскрикнула и подняла свою руку, указав на это жилище, где были стражи, приказывая уничтожить всё живое, что там могло быть.

Тени поглотили последний источник света, что был на площади и направились к факелу, находящемуся в руке старшего стража, словно он являлся маяком для них в бушующем море. На встречу им из тёмных проёмов окон полетели стрелы, что выпустили стражи, и, что оказалось безрезультатным. Они пронзили теней насквозь, не нанеся урона, будто не было ничего на их пути. Тени двигались бесшумно, и только свист стрел и удары тетивы нарушали окружающую тишину. Эта девушка, что была ею лишь снаружи и старший страж стояли недвижимо и безмолвно, не спуская друг с друга взгляда, будто нет этого локального боя вокруг них, а лишь они двое есть на этой площади. Оба ждали, когда одна из сторон пересечёт эту незримую черту, что их разделяет. И, когда тени преодолели расстояние, что разделяло их и этот дом, откуда так и летели безвредные стрелы, и ступили на ступени что вели к входной двери в которой был старший страж, он поднял свой щит и с силой опустил его на дощатый пол, произнеся молитву Единому, отчего тот жалобно заскрипел но не проломился. Свет, исходящий от его щита, озарил все вокруг и наполнил его носителя благословением истреблять зло и восстанавливать справедливость.

Она стояла и смотрела, как её подчинённые гасили факелы, как они медленно, но верно приближались к дому, из которого так и пускали стрелы, что никак не могли причинить вреда ни им, ни их госпоже. И каково же было её удивление, когда вместо того, чтобы погасить последний факел и покончить с признаками жизни в этом доме, её слуги отпрянули, а из дверей начал струиться обжигающий свет, что так жег её кожу.

Свет лился из щита стража ровным потоком, озаряя все кругом, вдохновляя живых и ужасая мертвых. Тени, стоило начать свету литься из щита, отпрянули туда, где он не мог их настигнуть, оставив свою госпожу в одиночку противостоять пятерке настырных живых. Пятерке стражей. Чьи стрелы, озаряемые светом, стали их настигать и приносить урон. Но их госпожа стояла, лишь немного прикрыв свои глаза от яркого света, от которого она успела отвыкнуть в сырых и темных казематах темницы, где она провела все последнее время, и, откуда смогла вырваться благодаря нелепой случайности в виде небольшой мышки и любопытного стражника, что дежурил рядом с её узилищем в ту ночь. Она убила всех, до кого смогла добраться, всех, кто держал её в заточении, и кто причинял ей вред и боль. Она обратила их в тени, безвольных и послушных, но слишком слабых, чтобы быть способными противостоять этому свету. Этой светлой магии.

Она жгла её кожу и заставляли прикрывать глаза, ей было неприятно от этой боли, но больше было обидно что она так ослабла за эти века, и сейчас ей причиняет вред этот слабый свет, хотя в прошлом она бы его и за угрозу не посчитала. Но деваться ей было некуда и при-

дется сразиться с этими живыми, что пришли на её остров и что помешали ей накапливать силы.

Старший страж, стоило его щиту осветить округу, успокоился и взял себя в руки. Тени, что так мчались к ним и почти их достали, отступили, и теперь перед ним и его отрядом была лишь эта девушка, что прикрывала глаза руками. Он отдал команду и стрелы перестали лететь из окон, он потихоньку начал продвигаться вперед, выходя из двери по направлению к своей цели. Следом за ним, обходя с боков и выстраиваясь полукругом, двинулись и его подчиненные. Никто не спускал глаз с этой девушки, а свет освещал округу, выхватывая передвижения в тенях. Нужно держаться света.

Живые, стражи, вышли из дома и начали ее окружать. Ей было не обязательно видеть их что бы это понимать. Она слышала их и чувствовала, как свет усиливается, приближается. А её тени прячутся и ждут удобного момента, чтобы утянуть во мрак живых, но те держатся света и не думают ступать во мрак. Но и она не так проста и может им в этом помочь, стусить тьму...

Оставалось около 10 метров, когда она опустила руки и взглянула на стражей. На ее лице была легкая улыбка и во взгляде был лишь мрак и холод. И стоило им остановиться на один миг, засомневаться в своих силах, как она взмахнула рукой, и из неё вырвался поток мглы, темное облако, что не мог пронзить свет. Оно двинулось в их сторону, отсекая одного из стрелков от группы и, от спасительного света. Крик ужаса огласил окрестности и, когда облако рассеялось, на земле было бездыханное тело, на лице которого застыла гримаса ужаса. Их осталось четверо. Все произошло мгновенно, никто ничего не успел сделать. И сейчас они смотрели на своего товарища, в тот момент как госпожа теней не дремала и выпустила новое облако мрака. Но и старший страж был не так прост и шагнув в бок, поставил щит на пути тьмы.

Сошлись две стихии. Во все стороны от щита лился свет и стуски мрака. Никто не хотел уступать. Она держала контроль и подпитывала своё облако жизнями тех, кого убила ранее, он держался и верил, он был последней стеной между жизнью его команды и их смертью. Свет вырывал куски облака, уничтожая его, тьма же бросала тень на окружающий мир, чем и воспользовались тени, что срывались во мраке. Им хватило мгновения и живых становилось все меньше. Спустя долгую минуту, что старший страж держал щит и боролся с облаком мрака, оно истончилось и исчезло, как и жизни его соратников, что теперь бездыханными телами окружали его. Свет начал тускнеть, как и вера в то, что он сможет выжить в этом царстве мертвых. А эта девушка стояла и смотрела на него, её взгляд был все так же холоден и решителен. Он закрыл глаза, свет его щита потух, и он упал на колени, на него в одночасье навалилась усталость и ему захотелось спать, даже если он уснет мертвым сном и больше никогда не проснется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.